

VALENTIN N. TKACHEV

WHAT'S IN MY NAME ...

The title of the article suggests accentuating the phenomena of attraction (attraction, magnetism, gravity, sympathy-antipathy ...), representing the premise of the mental-physical relationship of objects of the material world, by introducing a duet of concepts of attractors and their verbal determinants — terms, names, proper names in relation to architecture.

The nature of the connection between these concepts is such that the attractor as a goal and an instrument of attraction reveals its active potential and views on the prospects of development in the status of a term when its embodiment in alter ego is sufficient in mental operations.

Alienation of the alter ego from its «owner» makes it possible to shake the established position of the attractor in the thesaurus of its taxonomic group, to reach new frontiers of comprehension and transformation from the impasse of conservative rest. Such «out of the rut» exits are one of the effective creative methods of perfectionism, including in the field of architecture [1].

The problem of the correlation of a thing and its name intrigued ancient philosophers, but due to the underdevelopment of scientific methodology, even Plato failed to unravel (the dialogue «Kratil») the transcendental complexity of the topic. The outstanding Soviet researcher of ancient philosophy A.F. Losev joined the arguments of Plato, who «came across the problem of the name, because in every name there is some kind of certainty and some kind of connection with objective reality» [2].

This article also raises the question of the adequacy of the concept of an attractor and its name, which represents a catalyst for the development of many branches of knowledge.

Keywords: attractor, gravity, attraction-repulsion, name, term, toponymy, anthroponymy, alter ego of the attractor, ordinary, false, hierophantically (sacred) aspects of attractors.

ВВЕДЕНИЕ

Древние интуитивно чувствовали автономность возникновения аттрактора в широком диапазоне явлений бытия, и это понял Платон, излагая содержание беседы Кратила и Сократа — в интерпретации Лосева. При выявлении сущности вещей «в диалоге подчеркивается активное «самовыражение» вещей, как бы вторгающихся в человеческое сознание, когда они непосредственно стоят перед человеческим восприятием. В результате этого в человеческом сознании образуется устойчивый и структурно оформленный тип или образец, то есть рельефно отчеканенное изображение идеальной сущности ... Значение такой интерпретации настолько универсально, что уже не зависит ни от места, ни от времени его появления» [2]. Если мысленно подставить на место объекта суждения аттрактор, получим формулу его спонтанного, но осознанно тиражируемого и семантически развитого феномена общественного сознания, обладающего этимологическим паспортом, грамотно подобранный атрибутикой и точным названием, достаточно емким для представлений о его функциях и перспективах содержательной экспансии.

Например, при выборе средств переправы через водную преграду (и вообще через преграду!) вплавь, вброд, на плотах, на бурдюках наиболее

ТКАЧЕВ В.Н.

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ ...

Название статьи предполагает акцентирование явлений аттракции (притяжения, магнетизма, гравитации, симпатии-антипатии...), представляющих предпосылку ментально-физической взаимосвязи объектов материального мира, посредством ввода дуэта понятий аттракторов и их вербальных дeterminant — терминов, наименований, собственных имен применительно к архитектуре.

Характер связи этих понятий таков, что аттрактор как цель и инструмент притяжения раскрывает свой активный потенциал и виды на перспективы развития в статусе термина, когда в ментальных операциях достаточно его воплощения в alter ego. Отчуждение alter ego от его «владельца» позволяет расшатать устоявшееся положение аттрактора в тезаурусе своей таксономической группы, выйти на новые рубежи осмыслиения и преобразования из тутика консервативного покоя. Подобные выходы «из колеи» являются одним из действенных креативных методов совершенствования, в том числе и в области архитектуры [1].

Проблема соотношения вещи и ее имени интриговала еще античных философов, но в силу неразвитости научной методологии даже Платону не удалось распутать (диалог «Кратил») трансцендентальную сложность темы. Выдающийся советский исследователь античной философии А.Ф. Лосев подключился к рассуждениям Платона, который «натолкнулся на проблему имени, поскольку во всяком имени фиксируется какая-то определенность и какая-то связь с объективной действительностью» [2].

В данной статье также поднимается вопрос адекватности понятия аттрактора и его имени, представляющего катализатор развития многих отраслей знания.

Ключевые слова: аттрактор, гравитация, притяжение-отталкивание, наименование, термин, топонимика, антропонимика, альтер эго аттрактора, ординарные, ложные, иерофанные (сакральные) аспекты аттракторов

привлекательным и надежным представляется «мост», открывающий возможности итерации в самых разнообразных вариантах выбора материала, тектонической схемы, формы эксплуатации, стабильности использования. При этом в каждом разделе решения существует свой аттрактор предпочтительности, скажем, выбор размеров пролетов,

конструкций балочных, арочных, ферменных, вантовых, имеющих свой набор предпочитаемых решений и, соответственно, специфических названий, и так далее, по схеме фрактального морфогенеза.

Практически любая отрасль человеческой деятельности располагает своим ресурсом аттракторов, вписанных в общую систему цивилизации, имеющих как собственную терминологическую коллекцию, так и обменные термины, демонстрирующие успешность процесса универсализации терминов, в числе которых поле, зона, система, пакет, кольцо и т.п.— упрощающие взаимопонимание в научных контактах.

Обмен метафорами способствует созданию понятийных ассоциативных цепей, углубляющих смысл аттракторов; более того, обновление названий в операциях с альтер эго стимулирует совершенствование самого аттрактора. В некоторых случаях альтер эго вообще является главным, например, государственный флаг, представляющий сакральный символ страны.

Какие ракурсы атTRACTоров регулируются терминологией?

- Открывают новое видение устоявшихся представлений.
- Стимулируют обновление требований совершенствования.
- Консолидируют науки в поиске универсальных методов исследований, способствующих обобщению закономерностей материального мира.
- Создают терминологические инкубаторы. Известно, что лингвистические сложности с рождением названий, адекватно отображающих процессы обновления, тормозят эти процессы.

Ряд других особенностей взаимодействия связки «атTRACTор-название» приведен ниже.

АТTRACTОРЫ ОРДИНАРНЫЕ, ЛОЖНЫЕ, САКРАЛЬНЫЕ. ИХ АЛЬТЕР ЭГО

Этимологические истоки, закрепленные производными от основного понятия формами, укрепляют атTRACTор как основу последующего семейства терминов, определяющих его перспективы и стабильность в пространстве и времени. Лучше, если атTRACTор или его альтер эго выходит в свет как результат взаимодействия нескольких факторов. Например, название «Кремль» ведет родословную как от европейских, так и азиатских терминов (кром, хэрэм, храм, хурээ, хото...), имеет фонетическую убедительность (звук КР) и эмоциональный оттенок, который, кстати, почти всегда присутствует при выборе названия, особенно собственного имени. Заданный удачным названием атTRACTор укрепляется в своей таксономической группе вербальными аксессуарами, обрастает смысловыми атрибутами, подтверждающими эффективность магнетизма, катализаторами-триггерами, привязкой к мифу, и в целом растет степень его аппроксимации к сути названного объекта. АтTRACTор сам себя усиливает.

Одним из специфических свойств атTRACTора является иерофания — эффект сакрализации понятия вместе с привязанными к нему ритуальными процедурами. Эффект иерофании, вскрывающий парадоксы религиозной символики, подробно рассмотрен румынским философом М. Элиаде [3]. Помимо ортодоксальной демонстрации сакральности, достоверность которой в клерикальном мире неоспорима, например Туринская плащаница, иерофания убедительно укрепляет веру в виртуальную догматику, поддерживаемую акциями соборности, обозрением священных реликвий, разнообразными шествиями, крестными ходами.

К ним можно отнести «праздник» Крестовоздвижения, то есть установки распятия, на котором Христу предстояла мученическая смерть «во искупление». Действие представляется как stoическая готовность Господа пострадать за грехи человечества (которое, судя по текстам евангелий апостолов, сопровождало его на Голгофу бичами, улюлюканьем, швырянием камней — хорош праздник!). Этот холм также назначен одной из главных святынь христианства и представляет объект паломничества и даже места инсценировки несения креста. Заметим, что крест стал главным христианским символом только с VII века. Казни предшествовало еще одно парадоксальное событие — Тайная вечеря, где Христос угождал соратников (кстати, они, не колеблясь предавали его!) хлебом и вином, что изложено в христианской догматике как евхаристия — поедание тела и крови Христа — вместе с ним (!). В общепринятом смысле это сцена каннибализма, «бесовская трапеза», преподносимая как акт «пресуществления» — метафора, в гуманизме которой православный христианин не имеет права сомневаться; о достоверности события позаботились художники. (рис. 1.). Эффект атTRACTивности, тем более иерофанной, в архитектуре не принято демонстрировать в откровенно вызывающих формах.

По отношению к идеологии деконструктивизма как атTRACTора практической и теоретической архитектуры современного Запада складывается в настоящее время скептическая оценка влияния его разрушительной философии [4], предметно осуществленной в образах амбициозных сооружений. (рис. 2.).

Архитектура прошлого дает убедительные примеры ее регулярного возвращения к эмоционально сдержаным приемам воздействия на общественное сознание и культивированию «чистой формы», на которой, будем надеяться в конечном итоге остановится маятник стилистически колебаний.

Сегодня, однако, формулой Гераклита о более сильном воздействии скрытой гармонии пренебрегают при необходимости (скорее, из конъюнктурных соображений) придать максимальную выразительность сооружению, чем, кстати говоря, тестируются профессиональная грамотность и гражданская ответственность архитектора.

Отдельные эскапады снискавших известность (это тоже атTRACTор) архитекторов сродни успехам признанных артистов; это снижает критичность в оценке их творчества, повышает уровень зомбированности общества, получающего в результате новые «чудеса света».

Рис.1.
Рафаэль Санти.
Тайная вечеря.
https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/bb/The_Last_Supper_by_Erastus_Salisbury_Field.jpg

Подобная модель аттрактивности с размахом и при поддержке ангажированного искусствоведения проявляется в изобразительном искусстве.

О том, почему с временем, отмеченных еще Л.Б. Альберти [5], успехом пользуются дисгармоничные и даже патологически искаженные отображения реального мира, в профессиональной прессе появляются догадки, адресованные капризам общественного сознания, порождаемого парадигмами эпохи.

Мы можем лишь отметить, что фактор аттрактивности играет конструктивную роль в смене архитектурной стилистики, реализуемую в исторической последовательности, но способную инспирировать диссидентские вспышки вроде пуританства К.Н. Леду, готики, брутализма (необъяснимая любовь к голым кирпичным стенам, разве что усталость от изысканности форм), современный деконструктивизм, под который списываются явления тератогенеза — «красивая болезнь» современной архитектуры эпохи авторского экгибиционизма. [6]. Однако чаще всего атTRACTоры возникают вследствие рутинных событий жизни.

Римские термы, развившиеся из простой санитарной принадлежности быта, на которую последовательно были нанизаны разнообразные функции общественного заведения, преобразованного в локус пребывания социальной элиты, представляли собой именно такой атTRACTор с потенциалами самопостроения. Изменения социальных условий способствовали не исчезновению, а дисипации этого нужного вида специфического общения на мелкие частные бани, пользующиеся успехом до сих пор. Участок усадьбы, на котором бирманский крестьянин стал находить бронзовые статуэтки, немедленно превратился в местный атTRACTор, вокруг которого создалась своеобразная психологическая атмосфера сакральности, куда не допустили даже сотрудников музея, намеревавшихся идентифицировать находки.

Объекты паломничества и почитания гигантских скульптур Будды в Бамиане, разгромленные фанатичными талибами, не утратили своего

аттрактивного статуса. Значение иерофании здесь даже усилилось при виде разрушенных святынь (рис. 3.).

А вот талибы потеряли доверие цивилизованных мусульман.

Перейдем к менее возбуждающим формам аттрактивности с присвоением заметным явлениям имен собственных, обозначенений локусов, семантика которых указывает на характер вовлечения маркированных объектов в коммуникативную деятельность общества.

Особое место в системе коммуникаций занимают ложные атTRACTоры, действие которых основано на феномене извращения общественного сознания прямым или скрытым обманом. Нередко этот обман имеет вид безобидной шутки или даже полезной акции.

Есть временные и постоянные потоки ложной информации. Привлекательная реклама о срочной распродаже дефицитных товаров (уже утративших высокое качество) будет действовать до раскрытия обмана. Аналогичный маркетинговый ход — «Черная пятница» — оповещающий о распродаже товаров по якобы сниженным ценам.

Преступна реклама с красивыми фотографиями только что построенных жилых домов, в которых вскоре после начала эксплуатации обнаруживаются серьезные, порой неустранимые дефекты, незамеченные приемными комиссиями.

Казавшаяся перманентной гуманистичная идея коммунизма была опорочена элитой, неготовой заботиться об общественных благах. От этого атTRACTора отреклись. Навсегда?

Временными приемами обмана пользуются маскировщики во время войны, когда нужно изменить силуэт важного здания, чтобы отвести от него вражеские бомбардировщики. И наоборот, устраивают целые полигоны скопления макетов танков, самолетов, вводя противника в заблуждение относительно стратегии своих действий. До середины пятидесятых годов прошлого века выпускники МАРХИ имели военную специальность маскировщиков. Некогда один китайский полководец при осаде

Рис.2.
Заха Хадид Центр культуры и искусства в Чанши, Китай. <https://s.mediasole.ru/images/1946/1946433/1.jpg>

Рис.3.
Бамианские статуи будды до разрушения. Афганистан. <https://i.mycdn.me/?r=AyH4iRPQ2q0otWIFepML2LxR x40WZUS7GXSFt4fZ-dfciw>

вражеского города построил напротив него за ночь картонную крепость, вынудив защитников сдаться без кровопролития. Кочевники, осаждавшие города, поступали проще: на ночь вокруг города устраивали костры, зрительно умножавшие войско нападавших. Не будем останавливаться на приемах мимикрии, заимствованных у насекомых и растений, защищающих себя отпугивающей раскраской, шипами, ядовитым соком.

На ложных атTRACTорах построена большая часть интригующих сюжетов исторических романов. Какими наивными они кажутся сегодня против многоходовых финансовых и коммерческих операций современного общества потребления!

К ложным атTRACTорам можно отнести Ватикан — центр католической церкви, который начиная со средневековья был тайным вместилищем самого разнузданного грехопадения, разврата, преступлений. Достаточно упомянуть, в связи с этим пап Иоанна XII, Александра VI.

Совершенно необычную с точки зрения тривидальной логики сакрализацию реверсивных атTRACTоров демонстрируют приведенные выше примеры церковной догматики. Создается впечатление, что церковь намеренно активизирует тезис Тертуллиана о священной вере в абсурдное содержание мифов. Усиление атTRACTивного потенциала культового объекта достигается вводом в его пространство впечатляющих атрибутов, как-бы нечаянно обнаруженных нетленных мощей, плачущей иконы, голосов из часовни, видений призраков.

Тяга к религии, безусловно, относится к самым устойчивым атTRACTорам общественного сознания. Наиболее активные разделы ономастики — науки об именах — представлены топонимикой и антропонимикой. По Флоренскому «имя — тончайшая плоть, посредством которой определяется духовная сущность», имя — густок социальной информации о человеке [7].

Иерофанный оттенок в назначении и узнавании пространства, так или иначе освоенного, реализуется в понятии «духа места», закрепленном удачно найденным верbalным эквивалентом — альтер эго: Таганка в Москве, Малахов курган на Волге, Владимирский тракт, Освенцим... Специальным термином

«дестинация» обозначены территории и объекты туристического интереса, скажем, Ессентуки [8]. Материальным, предметным закрепление духа места может быть и не обязательным, но визуальное восприятие — безошибочная поддержка образа, если он к тому же подкреплен грамотно подобранными (или естественно возникшими) артефактами, гармонией окружающей среды — это касается внешнего облика архитектуры, ведь он воспринимается в первую очередь.

Топонимика названий мест обитания хранит интересные истории происхождения и обозначения большинства городов.

Речь об атTRACTорах крупного масштаба, не нуждающихся в образной поддержке составляющих. Шарм города становится ощущимым при неожиданном психологическом реверсе оценки среды, вызванной неожиданным вслеском памяти, инсайта, забытого соматического впечатления.

Нередки названия, присваиваемые местам и городам в ироничном смысле. В архитектурных формах авторы тоже допускают сатирические мотивы. Например, постмодернизм в архитектурной обозности построен на насмешке над классикой, девальвации ее эстетических ценностей с демонстрацией стилистической «независимости».

При желании некоторые произведения деконструктивизма можно характеризовать как сознательную издевку над «надоевшими» композиционными приемами и гармонией форм.

Источники и обстоятельства рождения имен городов зависят от суммирования нескольких смысловых магнитов, притягивающих к редактированию названия наиболее существенные атрибуты, обеспечивающие носителю имени полноценные функциональные связи с другими объектами и явлениями [9]. Чем город привлекает население? Максимально полноценным списком паттернов жизнеобеспечения, представленных чаще в скрытой форме. Имидж названного объекта, определяющий его атTRACTивность, может быть вынесен на трансцендентальную орбиту по семантическому толкованию, хотя и опирается на тривидальные компоненты, а то и вовсе оказывается психологически парадоксом или аллегорией.

Рис.4.
Гербы городов Золотого Кольца.
<https://cf2.ppt-online.org/files2/slides/fpxUQq9uMZJ2Bd5Otnv6P83SNTFD4czjYlyHW/slide-18.jpg>

Рис.5.
Овчинников
В. Граффитти
в городе Боровске.
<https://nikatv.ru/public/upload/news/3172/gallery/46.jpg>

Но в названиях российских городов практически всегда угадывается источник. А в их планировке записана история становления. Радиально-кольцевая планировка Москвы складывалась естественно, а когда тенденции роста стали понятны, осмысленными стали и поддерживающие урбанистический рисунок усилия.

Идею поставить вдоль Садового кольца высотные здания, поддерживающие силуэт кремлевских башен и тем самым придающие визуальную завершенность центру столицы, говорят, принадлежала Сталину. Осью этой кольцевой композиции должен был стать Дворец Советов — и архаичный образ феодальной цитадели был бы готов. Не сложилось: город перерос эту парадигму развития [10].

В ковровом росте города образовались новые очаги центровки и сегодня идеология радиального расширения уступила место линейным принципам роста, которые предвидел Н. Ладовский. Укрепляются ли вновь очаговые атTRACTоры самопроизвольно, как это было в старой Москве: Охотный ряд, Зарядье, Басманный, Гончарная, слободы Немецкая, Грузинская, Мещанская, Марсейка? Масштабы топонимики изменились, город можно увидеть теперь в его полной панораме, снятой квадрокоптером. Картина оживленной стихии повергла бы в отчаяние Ле Корбюзье, который хотел когда-то принять участие в преобразовании столицы [11].

Город-атTRACTор притягивает к себе (втягивает в себя) потоки финансирования и миграции. Он обозначает высокий уровень доверительности для тех, кто прилагает усилия освоения его среды, предъявляющей максимально полноценный блок паттернов жизнеобеспечения.

Для временного обитателя объектами-магнитами являются впечатления туристических достопримечательностей, импозантной архитектуры, исторических памятников — свидетелей эпохальных событий, а также активная цивилизованная жизнь, фестивали, уровень культуры, этнические и государственные праздники, благожелательное отношение к гостям. Акт рождения атTRACTора редко программируется, он возникает непроизвольно, но подхватывается осознанием смысла и социального значения места остроумной вербальной находкой, закрепляемой впоследствии легендами и практическими аргументами.

Предпочитаются «говорящие» названия, паспортизирующие образ места в истории, его предназначение.

Играет роль, конечно, благозвучность названия, вызывающая патриотические чувства. Для мелких поселений нередки юмористические названия, и даже обидные, которые давали деревне «доброжелательные» соседи: Балдейка, Тупицы, Гнилая Бухловка, Потаскуево, Бодуны... — но даже на непечатные названия жители не обижались. Это Россия!

Крупные города, расположенные на исторических перекрестках, часто переходили из рук в руки, меняя свои названия. За 3000 лет существования Пекин пережил десятки названий. Вот некоторые из них в хронологическом порядке: Нянъцин, Сицзиньфу, Чжунду Досинфу, Ханбалык (Даду), Бэйгин, Байцзин, Цзинши, Бэйлин, Пекин.

После революции и всех социально-политических событий почти 400 городов России изменили свои названия. [12].

Волгоград сначала был Царицыным, потом Сталинградом, возможно, последнее имя ему вернется. Санкт-Петербург, в свое время Петербург, Петроград, Питер, может быть, вернет имя Ленинград, связанное с героическим и трагическим периодом блокадной жизни.

Много исторических названий городов, невесть каким образом сохранившихся, обязаны своим происхождением странным, порой нелепым обстоятельствам.

Каргополь, где когда-то был губернатором Г.Р. Державин, возможно, получил свое название от обилия в местности ворон (Каргино поле) или, если по-фински — Кархун-пуола (Медвежья сторона) [13]. Он был основан еще в 1146 году.

Подмосковные Мытищи получили свое название как таможня, где взымали «мыт», а не банное место, сопрягаемое по смыслу с мытищинским водоводом, сооруженным при Екатерине II в конце XVIII века. Новосибирск начался Новой деревней, переименованной впоследствии в поселок Александровский, затем в Новониколаевск и Новосибирск.

С названием города прочно связывается его архитектурный образ: «В сознании любого обывателя любой среды обязательно существует образ этой среды. Без него невозможно адекватное средовое поведение. Такой средовой образ составляет неотъемлемую часть самого обитания в среде и потому (он) возникает непреднамеренно и изменяется вместе с изменением среды и обитателя». [14].

О многом говорят гербы русских городов. (рис. 4). Герб Твери, изображающий на красном фоне золотую корону на изящном поставце, напоминает о неосуществленных претензиях города стать столицей Руси.

Герб Козельска с изображением крестов и щитов символизирует героическую защиту города при его осаде Батьем.

На гербе Углича — фигурка убиенного царевича, держащего в руке нож (!?).

Герб Боровска — алое сердце на серебряном фоне окружено зеленым лавровым венцом — хранит память о героизме защитников Пафнутьев-Боровского монастыря, князя М. Волконского, не сдавшегося врагу несмотря на предательство.

У Боровска есть особый атTRACTор — граффити, копирующие на стенах домов дореволюционные фотографии, привлекающие внимание туристов. Это самостоятельное творчество местного художника-любителя В. Овчинникова. Сегодня граффити и стрит-арт наполняют города «нездешней» живописью (рис. 5).

Гербы были утверждены императрицей после ее знаменитого турне по российским провинциям. Многие из них отражают характерный род занятий горожан: ремесленное производство, полеводство, рыбный промысел — с привлечением образов «totemicных» животных — льва, медведя, лося, орла, лебедя, соколя... Они и сегодня украшают геральдику городов. Замечателен герб Владимира, изображающий увенчанного короной льва с добродушной физиономией.

Разница между реальным и виртуальным мирами последовательно стирается благодаря технологиям СМИ; созданные воображением и существующие атTRACTоры «живут» в процессе самопостроения, когда импульсы и результаты их взаимодействия воспроизводят друг друга. Это — действие механизма «Черного лебедя», суть которого заключается в том, что предпринятые в определенном направлении действия входят в режим самопроизвольного развития, поскольку те, кто планировал акцию, не предвидели спонтанного вмешательства внешних неизвестных факторов или усиление действия внутренних сил. Например, такова ситуация с извращением мировой финансовой системы, «забывшей» логику начальных товарно-денежных отношений, военными кампаниями. Формирование атTRACTоров как необходимого условия привлечения спонсоров или выгодного рынка сбыта редко зависит от прогнозов, несмотря на успехи теории хаоса. И новые образы современной архитектуры, ориентированной на создание экстравагантных произведений, вряд ли помогут угадать перспективы амбициозного творчества, в том числе в спекулятивных целях привлечения внимания к городу. Безошибочным для реноме архитектора может стать воспитание нейтрального отношения к возбуждению эмоционального видения своих работ как предпосылке становления новой эстетической парадигмы в архитектуре, реализуемой хай-теком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. АтTRACTивность — основное креативное свойство материи в масштабах от Вселенной до области социальных отношений.
2. АтTRACTор как объект притяжения должен иметь адрес, наименование, альтер эго. Только в этом случае он представляет активный компонент системы коммуникации.
3. Наименование атTRACTора определяет его место в таксономической группе, способствует его ориентации в направлениях расширения, усовершенствования, углубления содержания, то есть несет креативные функции.
4. Диапазон приложения понятия атTRACTор и его «рабочих» свойств охватывает практически все сферы цивилизации и способствует выявлению всеобщих закономерностей в развитии отдельных отраслей знаний и практической деятельности, их консолидации.
5. В теории архитектуры идет процесс переориентации профессионального внимания с анализа ортодоксальных свойств (композиция, типология, нормирование, эстетика...), освоение которых остается само собой разумеющимся, на трансцендентальные атTRACTоры — тектоническую унификацию, психофизиологию воздействия архитектурных форм, нейрофакторы, индустриализацию IT проектирования, «чистую форму», реальную экологию — с соответствующим обновлением методологии и терминологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Нельке М. Техника креативности / М. Нельке.— ОМЕГА-Л. 2009.— 144 с.
2. Лосев А.Ф. Краткий анализ диалога Платона «Кратил». МГУ, Философский ф-т, 27.10.2006
3. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / М.Элиаде— СПб, Алетейя, 1998.— 258 с.
4. Салингарос Н.А. Антиархитектура и деконструкция. Триумф нигилизма / Н.А.Салингарос.— М.-Екатеринбург: Кабинетный ученьный, 2017.— 295 с.
5. Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве в двух томах.Т.1 / Л.-Б. Альберти— М.: изд.ВАА, 1935.— 392 с.
6. Ткачев В.Н. Тератогенез в архитектуре / В.Н.Ткачев. ACADEMIA строительство и архитектура, №3 2023, с .
7. Флоренский П.А. Тайны имени / П.А.Флоренский.— М.: Мартин, 2007.— 376 с.
8. Ильвицкая С.В., Поян.А. Мировой опыт архитектурного проектирования музеиных комплексов в исторической среде/ С.В.Ильвицкая, А.Поян.— Cultural Heritage: research, valorisation, promotion. Edition II. / ARTA, Chisinau, 2021.— С.127-133.
9. Лаппо Г.М. Переименования городов. Топонимическая чехарда // География, 2004, №24.
10. Иконников А.В. Архитектура Москвы XX век/ А.В.Иконников.— М.: Московский рабочий, 1984.
11. Самохина Т.Н. Из истории создания Союза советских архитекторов.— Т.Н.Самохина.— М.: СМА, НИИТАГ РААСН, 2007.— 191 с.
12. Пекин. БСЭ, т.19.— С. 931.
13. Ткачев В.Н., Семешкина Т.В. Ассоциации в архитектуре и дизайне./ В.Н.Ткачев, Т.В.Семешкина.— М.: изд.МГСУ, 2011.— 224 с.
14. Боков А.В. К вопросу о «сакральном» и «профанном» в онтологии современной архитектуры // Академический вестник УРАЛНИИПроект РААСН, 2015, №3, с.21-24.

REFERENCES

1. Nel'ke M. Tekhnika kreativnosti / M.Nel'ke.— OMEGA-L. 2009.— 144 s.
2. Losev A.F. Kratkij analiz dialoga Platona «Kratil». MGU, Filosofskij f-t, 27.10.2006
3. Eliade M. Mif o vechnom vozvrashchenii. Arhetipy i povtoryaemost' / M.Eliade— SPb, Aletejya, 1998.— 258 s.
4. Salinger N.A. Antiarhitektura i dekonstrukciya. Triumf nigliizma / N.A.Salingeros.— M.-Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2017.— 295 s.
5. Al'berti L.-B. Desyat' knig o zodchestve v dvuh tomah.T.1 / L.-B. Al'berti— M.: izd.VAA, 1935.— 392 s.
6. Tkachev V.N. Teratogenet in arhitekture / V.N.Tkachev. ACADEMIA stroitel'stvo i arhitektura , №3 2023, s .
7. Florenskij P.A. Tajny imeni / P.A.Florenskij.— M.: Martin, 2007.— 376 s.
8. Il'yickaya S.V., Poyan.A. Mirovoj opyt arhitekturnogo proektirovaniya muzejnyh kompleksov v istoricheskoy srede/ S.V.Ilyickaya, A.Poyan.— Cultural Heritage: research, valorisation, promotion. Edition II. / ISSN 2345-1181 / ARTA, Chisinau, 2021.— S.127-133.
9. Lappo G.M. Pereimenovaniya gorodov. Toponomicheskaya chekharda // Geografiya, 2004, №24,
10. Ikonnikov A.V. Arhitektura Moskvy XX vek/ A.V.Ikonnikov.— M.: Moskovskij rabochij, 1984.
11. Samohina T.N. Iz istorii sozdaniya Soyuzu sovetskih arhitektorov.— T.N.Samohina.— M.: SMA, NIITAG RAASN, 2007.— 191 s.
12. Pekin. BSE, t.19.— S. 931.
13. Tkachev V.N., Semeshkina T.V. Asociacii v arhitekture i dizajne./V.N.Tkachev, T.V.Semeshkina.— M.: izd.MGSU, 2011.— 224 s.
14. Bokov A.V. K voprosu o «sakral'nom» i «profannom» v ontologii sovremennoj arhitektury // Akademicheskij vestnik URALNIIProekt RAASN, 2015, №3, s.21-24.